

Военно-осетинские дороги

Наш специальный корреспондент увидела Цхинвали и окрестности через месяц после боев

Тимур и его друзья

Вася — в маске. Лица остальных ребят затираем, чтобы не подставлять

Гриша и Зема

Цхинвали назло нашему телевидению стоял, стоит и стоять будет. Здания, разбитые «градом», гаубицами и танками, попадают часто, но в городском пейзаже все же не доминируют. Необратимо пострадал только Еврейский район Цхинвали, в котором сгорели 48 двухэтажных, каменных, очень старых домов. На стене одного дома сохранилась звезда Давида.

Гриша и Зема Дзасоховы нашли временный приют в доме своего племянника Алана.

Мы сидим в глубине двора, на берегу шумной речки Лиахви в садике со спелой желтой алычой и пожухлым, неухоженным огородом.

Гриша и Зема рассказывают о том, как пережили пятидневную войну в подвале своего дома.

Войну не пережил дом, построенный прапрадедом Гриши в 1888 году. Прилетели два артиллерийских снаряда, осколком одного задело Зему.

— Дом построили в году с тремя восьмерками. И умер он 08.08.08, — говорит в Грише фаталист.

После войны Гриша Дзасохов остался без дома и без работы. Его выгнали из южноосетинской армии. Два раза — 18 и 25 августа — Гриша не явился на построение. В первом случае отвозил жену во Владикавказ в больницу, во втором — пришла комиссия по обследованию руин дома. От этой комиссии зависят сейчас компенсация в 50 000 рублей и дальнейшая перспектива занять новую крышу над головой.

И вот Григорий задается самым актуальным для цхинвальцев поствоенным вопросом: как жить дальше?

— В крайнем случае уеду к дочерям в Москву, — хорохорится Гриша. — У меня там еще две сестры. Помогут.

Но уезжать ему категорически не хочется. Это понимаешь, когда Гриша со знанием дела рассказывает о 17 (!) сортах винограда в большом саду своего погибшего дома. Скоро ноябрь, нужно будет снять урожай и сделать вино, к которому тут относятся с грузинским трепетом.

От винограда разговор скатывается к обсуждению политической ситуации. Поднимаются бокалы за независимость Южной Осетии. Бокалы наполнены трофейным вином из подвалов опустевших грузинских сел. Дома сожжены, ветер разносит пыль с огромных куч мусора. Единственное, что сохранилось — виноградники и новенький газопровод темно-малинового цвета. Скоро до мародеров дойдет, что газовые трубы — вещь, безусловно, ценная, и от последнего свидетельства вызывающе благополучной жизни грузинских анклавов в нищей Южной Осетии не останется и следа. Села-призраки на долгие годы взяли Цхинвали в плотное кольцо разрухи.

Быть может, один из самых трагических результатов пятидневной войны — чисто демографический. Массовый исход этнических грузин критически сократил и без того невеликое по численности и постоянно убывающее население Южной Осетии. Например, к Бикарской сельской администрации на границе с Центральной Грузией относится 11 сел. В

1988 году в этих селах в общей сложности было 2500 осетинских дворов и 300 грузинских. В 2008-м грузинских семей осталось всего 10, а количество осетин уменьшилось в 50 раз.

А еще из города из-за войны улетели все птицы.

Миша

Миша Миндиашвили всю пятидневную войну провел в своей двухкомнатной квартире в хрущевке, возвышающейся над частным сектором возле городской школы № 5. Это знаменитая школа в Цхинвали. Стадион пятой школы превращен в кладбище с черными гранитными памятниками, на которых — фотографии очень молодых людей в рубашках, пиджаках и галстуках еще советского фасона. Почти все они погибли в промежутке 1991—1993 гг. Изображения нанесены на гранит настолько качественно, что кажется: на тебя смотрит живая школьная линейка вчерашних десятиклассников. Многие памятники посечены свежими следами пуль. Сбоку — три новых холмика, где захоронены погибшие нынешней пятидневной войны.

Каждое утро грузин Миша проходит мимо кладбища осетинских героев. Мише — 69 лет. Всю жизнь прожил в Цхинвали. В Тбилиси у него сестра-инвалид Анастасия 73 лет. Как раз в это лето она приехала в гости к брату. Тут их застала война. Сестру Миша спустил в подвал пятиэтажки, но сам поднялся в квартиру, сел в кресло и просидел в нем три дня: 8, 9 и 10 августа.

— Дом во время стрельбы дрожал, как живое существо, — говорит Миша.

В хрущевку попало несколько снарядов — в крышу и в квартиру за стенкой.

Почему Миша не спрятался в подвале? Вряд ли боялся мародеров. Кроме трех пар потрепанных боксерских перчаток (Миша — мастер спорта по штанге и боксу), книг и огромного количества бумажных принтов Иисуса Христа и Девы Марии брать тут нечего.

Миша сидел в кресле, потому что пытался заслужить моральное право жить в родном городе. Или погибнуть.

После войны с помощью Красного Креста Миша первым делом переправил свою сестру в Тбилиси. Даже не потому, что в Цхинвали грузинам стало неудобно. Боялись другого. Что кто-нибудь из хлынувшего потока грузинских беженцев займет тбилисскую однокомнатную квартиру Анастасии.

А потом он вместе со всеми пошел на концерт Валерия Гергиева. Увидел соседку с мужем. («Их не было во время бомбежки», — замечает мимоходом Миша.) Обрадовался, поздоровался. В ответ услышал: «Может быть, ты не изменник, но ты один из них».

Потом был «еще один инцидент». В гуманитарной очереди за водой один давно знакомый осетин-ровесник вдруг стал кричать, чтобы Мише воду не давали.

— Если бы стал с ним драться, я бы его убил, — говорит Миша и сжимает свои боксерские кулаки. — Но я его пожалел. Я пожаловался в милицию...

Пока «инцидентов» больше не было. Не потому, что милиция работает, а потому, что гуманитарные очереди Миша стал обходить стороной. Но ему надо застеклить разбитые во время войны окна. Уже идут осенние дожди, и ночью в Цхинвали холодно.

Тимур

Тимур Цховребов, незаменимый проводник российских журналистов и правозащитников, тоже ломает голову над «стекольным вопросом». В его доме уцелело почти все, кроме окон. Но Тимур не хочется стоять в гуманитарной очереди за стройматериалами, потому что толпа, бьющаяся за раздачу, отвратительна. С гуманитаркой в городе большая проблема. На раздачу президент Кокойты поставил героя боев за Цхинвали русского генерала Баранкевича. Баранкевич ушел в отпуск...

Тимур присмотрел в грузинском селе Эредви целые стекла, но уже неделю мучается над моральным аспектом вопроса. «Это мародерство?» — спрашивает Тимур.

Я рассказываю ему, как чеченцы из отряда Ямадаева оставили за выпитый компот деньги в подвале пустого грузинского дома.

Тимур хмурится. Он бы тоже заплатил. Нечем.

Тимур — легендарная личность в Цхинвали. Он геройски воевал в 91-м за независимость Южной Осетии. Потом сидел в тюрьме за недовольство южноосетинской властью. Выпускал местную газету и руководил местным телевидением. Опять сидел в тюрьме за незаконную предпринимательскую деятельность.

Это человек, утро которого начинается со звонка приятеля из Тбилиси.

— До войны мы планировали построить здесь мини-завод по бутилированию минерального источника. Друг (грузин. — Е. М.) позвонил и сказал: если у нас все осталось в силе, он спонсирует проект.

Все проекты Тимура из области «как бы проработать два месяца и потом весь год отдыхать». Например, обсадить южноосетинские дороги орешником (фундуком), собрать, продать и бездельничать до следующего урожая.

Все бесчисленные рассказы Тимура, которые правозащитник Саша Черкасов называет «ненаписанным продолжением «Сандро из Чегема», кончаются хеппи-эндом и опустошенным кувшином вина. Чаще всего в этих рассказах идет речь об осетинах, которые поймали грузина, или, наоборот, о грузинах, которые поймали осетина. Смертоубийство почти неизбежно, но всякий раз пойманный осетин/грузин ведет себя настолько смело, что враг его милует.

Во время боев за Цхинвали Тимур в подвале не прятался. 8 и 9 августа он провел с автоматом в руках на улицах города, наблюдая хаотичное сопротивление ополченцев. Тимур прекрасно осознавал, что нынешняя грузинская армия гораздо сильнее и шансов у осетин нет. Когда грузины отступили, Тимур не вскочил на русские танки. Ему надо было хоронить сестру и брата, погибших на этой войне.

Несогласные

Пока весь мир дискутирует, кто первым начал войну, осетины пытаются ответить на свои кровные вопросы.

— Почему президент Кокойты и его окружение, по сути, сдали Цхинвали грузинам?

— Почему была проведена масштабная эвакуация мирных граждан, но не было объявлено о полной мобилизации регулярной армии, резервистов и спецслужб ЮО?

— Почему были закрыты склады с оружием, а ополченцев начали принудительно разоружать еще за полтора месяца до назревающей войны?

— Почему буквально через несколько часов после начала войны Кокойты стал говорить о двух тысячах погибших и о стертом с лица земли Цхинвали?

После того как Кокойты похитил и посадил в тюрьму братьев Козаевых (за то, что обозвали его предателем), эти вопросы обсуждаются при свете керосиновой лампы (в городе перебои с электричеством) в тесном подпольном кружке в доме одного из местных оппозиционеров.

Выясняется много интересного. Например, почему не пострадали от обстрелов здания южноосетинских МВД и КГБ.

— Грузинские танки стреляли в те дома, откуда велся ответный огонь, — рассказывает, сильно нервничая, осетинский омоновец Георгий. — Когда начался обстрел, у нас в МВД погас свет. Мы гуськом, положив друг другу на плечи руку, чтобы передавать команды, выходили из здания. Тут нас остановил министр Миндзаев и отдал приказ организовать круговую оборону. Наш командир возразил, что это безумный приказ. Если нас не убьет снарядом, то погибнем под развалинами МВД. Больше я Миндзаева не видел, а командир разделил нас на роты, и мы пошли в уличный бой против танков. Так получилось, что у нашей роты не было РПГ (реактивный противотанковый гранатомет. — Е.М.). Не хватило. У меня, например, были пара гранат и автомат. Пятеро из нашей роты погибли, видимо, сразу. Остальные рассыпались кто куда, я побежал в гостиницу в центре, откуда били гранатометы. Там у ребят были РПГ-7, мы смогли подбить грузинский танк.

— «Интерфакс» сообщил, что на вооружении ЮО находится 87 танков. Где же они были?

— У нас всего четыре танка, — отвечает мне кадровый военный осетин. — Восемьдесят танков тут остались после учений «Кавказ-2008».

Но, по официальной версии, русские в боях за Цхинвали 8 числа вроде не участвовали. Чего выжидали? Пока грузинские войска займут беззащитный город, чтобы потом вдребезги разнести и Цхинвали, и грузин? Такой был план?

В ответ на мои вопросы люди угрюмо молчат.

— Если русские хотят добра Южной Осетии, первым делом они должны убрать Кокойты, — резюмирует местный оппозиционер.

Комендантский час уже полчаса как наступил. Но нас отпускают только после демонстрации припрятанных в соседней комнате внушительных ракет от переносного противотанкового ракетного комплекса «Фагот». Эти штуки контрабандно закуплены и доставлены из Москвы, но оказались совершенно непригодными в дни войны. Полтора месяца назад милиция изъяла необходимые для пуска ракет установки.

— Тридцать тысяч личных долларов потратили люди на общественное дело! — возмущается мальчик Миша, российский доброволец, приехавший в Цхинвали воевать.

На русскую армию осетины возлагают традиционные надежды. В первую очередь это, конечно, безопасность. Во вторую — работа. Дело в том, что Кокойты — единственный работодатель и благодетель в ЮО, а со всеми конкурентами на этом поле поступает сурово. То есть добро людям тут можно нести только с логотипом «Единства» (местный аналог «Единой России») и от имени президента. Иначе никак.

Появление МЧС РФ уже ударило по монополии: осетин стали набирать на разборку завалов и ремонтно-строительные работы. Выдают форму, платят (обещают) по российским расценкам.

Но особая надежда тут на русские военные базы. Именно во множественном числе, чем больше — тем лучше. Из мечтательных рассказов югоосетин я понимаю, что они помнят нашу армию советского образца.

Дардемон, Вася и другие

...Наша «Нива» перевернулась недалеко от административной границы Осетии с Центральной Грузией, не добравшись совсем немного до конечного пункта — села Ленингори. К тому времени мы отъехали от Цхинвали на 40 с лишним километров по новой дороге — дорогостоящему серпантину, который через две горы уже два года строят русские строители. Война их спугнула, и теперь дорогу достраивают местные, а охраняют строительную технику российские регулярные войска (в частности, инженерно-саперная часть из Ботлиха и мотострелковый полк из Буйнакса).

— Кратчайшая и единственно проходимая дорога в Ленингорский приграничный район ЮО идет через территорию самой Грузии, — поясняют мне. — А это (показывают на желтые бульдозеры, утрамбовывающие щебенку) — стратегический объект. Новая дорога позволит перебрасывать войска к границе с грузинами.

...«Нива» лежала на боку и жалко дергала колесами. Из бака выливался бензин, из аккумулятора — кислота. Решили звать на помощь наших бойцов, которые расположились на привал у подножия горы. Пока спускались — наткнулись на группу из пяти молоденьких солдат, мучавших бензопилу. Я посмотрела на их ноги — все в ботинках, значит, контрактники. Мы попросили помощи — перевернуть «Ниву» и отбуксировать вниз с помощью армейского ГАЗа. Замкомвзвода Вася ответил приветливым матом и сплюнул сквозь дырку в зубах. Вася был сильно пьян, возле пня валялось с полдюжины почти опустошенных полторалитровых баклажек с вином. В процессе общения выяснилось, что солдат послали нарубить пятьдесят столбиков из заповедного леса для того, чтобы обнести колючей проволокой школу в селе неподалеку — будет оборудован пост миротворцев.

Бензопила не работала. Два молчаливых трезвых солдата отчаянно пытались чинить стартер. Вася на них матерился, у них тряслись руки. В результате потеряли болт от стартера. Правозащитница Аня нашла болт, обрадованный Вася решил оказать нам помощь. ГАЗ резко сдал с места, забыв захватить наших мужчин, которые, испугавшись пьяной ретивости Васи, бросились вдогонку...

Мы остались с Семеном и двумя молчаливыми солдатами. Бензопила наконец завелась, и они повалили несколько деревьев. Потом бензопила заглохла, причем насмерть. Предложили ребятам покурить. В процессе разговора выяснилось, что они в Южной Осетии уже целый месяц (то есть с 6 числа) и участвовали в боях за Цхинвали. Мы решили, что Семен — говорил он один — прихвастнул. Потом выяснилось, почему молчат двое других парней.

Они оказались срочниками, переобутыми в трофейные ботинки (а пришли в Осетию действительно в родных кирзовых сапогах).

Тут вернулся ГАЗ. Без «Нивы» и наших. Вася расвирепел, когда узнал, что пила сломалось и задание командира не выполнено. Было заметно, что Вася (да и все остальные) страшно боится своего командира. Вася схватил пилу и шмякнул ее о дерево. Она развалилась на две части.

Потом он накинулся на срочника Сашу и ударил его ногой в лицо. Срочники Вадим и Женя бросились врассыпную. Контрактник Семен, который тоже был подшофе, рассмеялся, чем обозлил Васю до крайности. Вася схватил автомат и направил на Семена и срочников, приказав им встать на колени. Женя опустил на корточки, Семен продолжал стоять, только хихикать перестал. Вася передернул затвор. Аня решила напомнить о нашем существовании. Вася задумчиво поводит дулом автомата, потом бросил его на землю. На всякий случай Семен вытащил из автомата Васи рожок.

Мы предложили взять вину за гибель пилы на себя, загрузились в ГАЗ и поехали к командиру.

Капитан по кличке Дардемон (Денис) и старлей Алекс были пьяны в дым. Они сидели на обочине дороги в окружении уже больших — десятилитровых — бутылей с вином, конфискованным у осетинских крестьян. Легенду о гибели бензопилы восприняли благосклонно. Благодарный Семен дал мне за это котелок с остатками картошки с тушенкой.

Разговор с командирами у нас не получался. Впрочем, говорила больше Аня, я молчала, потому что так жутко мне, если честно, уже давно не было.

В процессе общения старлей Алекс предложил Ане «овальный кубик-рубик» и вытащил из кармана гранату. Потянул пальцами чеку. Мы молчали.

Потом он настойчиво стал предлагать пострелять из автомата. Мы отказались, Дардемон презрительно сплюнул:

— Пацифистки...

Алекс пошел и установил на другом краю дороги бутылку вина и выстрелил по ней автоматной очередью. Уши заложило от грохота.

В это время проехала крестьянская машина и приостановилась у Дардемоновых ног. Водитель заискивающе улыбнулся, Дардемон немного помедлил, потом махнул рукой, а Алекс — автоматом.

Потом мимо нас проехал ГАЗ с осетинскими, кажется, ополченцами. Эти разрешения на проезд у Дардемона не спрашивали. Мне очень хотелось поехать с ними. Ни нашей «Нивы», ни наших мужиков не было уже очень долго. А вдруг Вася их спяну пострелял? Когда мы рубили в лесу деревья, слышали несколько автоматных очередей... Или это Алекс расстреливал в упор осетинское вино?

Дардемон требовал общения. Сам рассказывал, как их перебросили из Дагестана, где делать было нечего. («Тут тоже делать нечего, зато местные в благодарность нас поят и кормят...»). Добавил, что воевал в Цхинвали. Я решила уточнить подробности. Тогда Алекс сказал: «Ты проверь их диктофоны...» Анину сумку досмотрели. Мою не успели. Кто-то из срочников

как-то не так ответил Дардемону, тот позвал его за «Урал» и стал бить. В это время Алекс делился с Аней:

— Я тут царь. Что скажу, то они (небрежный кивок в сторону срочников) и сделают. Прикажу, тебя пристрелят и бросят в канаве...

Из-за поворота показалась вся разбитая, без капота и лобового стекла наша «Нива». Ее перевернули и отбуксировали осетинские ополченцы. Вася до «Нивы» не доехал. И слава богу!

Аня еще минут десять прощается с Алексом и Дардемоном, Тимур пьет с ними «за независимость Южной Осетии».

...Вечером я в лицах рассказываю эту историю Грише, его племяннику Алану и его друзьям. Безмерно уставшая Аня только кивает. Даже Тимур слушает не перебивая. Потом Алан задает вопрос:

— Вы думаете, у нас будут проблемы с Российской армией?

Елена Милашина
Южная Осетия

15.09.2008

<http://www.novayagazeta.ru/data/2008/68/17.html>